

22 января 1978 года + № 19 (19162)

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОТ ПРОТИВНОГО

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ОН ИГРАЕТ на сцене, снимается в кино, выступает по телевидению. Чаше всего успешно. Но этот успех никогда не бывает сенсационным. Герои Басилашвили никогда не бьются, что называется, любимицами публики. Внешне вполне импозантным, им всегда недостает таких завораживающих качеств, как воля, мужество или безоглядная любовь. Правда, они тоже любят, страдают, стремятся к счастью каждый по-своему. Иные из них кажутся даже весьма благополучными. Но счастье не дается никому. Даже самое скромное, самое маленькое.

Вспомним, как молодой, подающий надежды ученый Федор в спектакле Театра имени Ленинского комсомола «В поисках радости» (Басилашвили на этой сцене начал свой творческий путь после окончания школы-студии МХАТа), деликатный и растерянный, в вечно сползающих очках, тщетно пытался примирить свои высокие представления о жизни с нагловатым прагматизмом жены. Или Славка Куклин (его мы увидели уже на сцене Большого драматического театра имени М. Горького в спектакле «Океан») — блестящий морской офицер, общительный, остроумный, душа компании — как тратил он душевные силы на бесконечные служебные лавирования и становился подозрительным, завистливым, желчным. А как тупел светлый умный взгляд Андрея Прозорова, тонкого, несомненно одаренного человека, шаг за шагом уступавшего пошлым, житейским обстоятельствам («Три сестры»). Или Ксаф, вообразивший себя философом, — как он в своих натужных претензиях на мудрость и величавость выглядел все глупее и ничтожнее («Лиса и виноград»). И молодой физик Феликс из НИИ за холерой, нарядной, самодовольной внешностью, за бездумно-веселыми эскападами скрывал глубокую душевную трещину («Еще раз про любовь»). А великодушный в своем живописном величии, капризно неожиданный и по сути безжалостный король Людовик XIV («Мольер») И, наконец, Хлестаков со всей мнимостью его существования, напяливающий на себя то грозную личину фельдмаршала, то гнусную — взяточника, то пошлую — ловеласа, а на самом деле — пресупстой чело-вечушка, «действующий без всякого соображения».

Разные эпохи, разные социальные прослойки, разные судьбы. Истории, пусть не всегда исчерпывающие, не очень счастливых человеческих жизней. В этих разных героях, варьируясь, постоянно звучит одна и та же тревожная тема: как часто люди, сами того не замечая, обкрадывают себя.

ГОВОРЯТ, что тему творчества художник не выбирает, как не выбирает человек себе судьбу. Это так и не так. Действительно, очень многое зависит, если речь идет о творчестве, от характера дарования и от обстоятельств. Но момент выбора остается всегда. Басилашвили мог всю жизнь оставаться, что называется, рабом собственной внешности: одалживать героям свою импозантную наружность — высокий рост, правильные черты открытого лица, пластичность движений, обаяние, аристократизм — то, что сыграть, бывает, как правило, невозможно. Или это есть у актера или этого нет. Именно на такой легкий путь успеха и толкал актера кинематограф (особенно на первых порах).

Басилашвили же старался в своих героях понять и выразить нечто гораздо более существенное — характер, взгляд на мир, внутреннюю жизнь, ту гамму мгновенно возникающих душевных движений, которые совсем не сразу становятся прямым действием, а только постепенно ведут к решению, поступку. Поэтому даже в таких не очень удачных в целом картинах, как, скажем, «Невеста», «Гранатовый браслет»,

«Живой труп», «Врача вызывали?», его герои живут психологически напряженной и сложной духовной жизнью и потому интересны уже сами по себе, как характеры, отражающие те или иные общественные явления.

Проще всего было бы, скажем, и Феликса сыграть в спектакле «Еще раз про любовь» просто как торжествующую, упоенную бездарность, как еще одного ультрасовременного мещанина (на этот раз — в науке), что и сделал актер А. Шпрингидт в Московском театре имени Ленинского комсомола. Басилашвили же раскрыл драму несостоявшейся личности, человека безусловно талантливого, но пошедшего на компромиссы.

Каренина в «Живом трупе», например, обычно играют сухим педантом, напыщенным и ничтожным, стопроцентным представителем того жестокого лицемерного мира, в котором нет места людям искренним, и потому незащищенным. Басилашвили прежде всего задумался над проблемойвольной и невольной виновности героя. Его Каренин на экране равно человек страдающий и приносящий страдания. По-настоящему многомерный толстовский образ. Этот Каренин не просто благовоспитан, но и добр, чуток.

Но вот мы слышим, как инфантильно, с упрямством избалованного ребенка добивается он согласия «маман» на брак с разведенной Лизой и понимаем: никогда этот человек не поступится размеренностью «приличного» существования, не выйдет за рамки своей ординарности.

ГЕРОИ Басилашвили — всегда живые люди с хорошими и дурными чертами, со странностями и слабостями, обусловленными средой, временем или обстоятельствами.

В сценарии «Врача вызывали?» главврач районной поликлиники Петр Иванович был просто-напросто стар, его взгляды и действия были, очевидно, продиктованы возрастом, состоянием здоровья, естественной усталостью пожилого человека. Басилашвили же сыграл драму рано состарившегося человека и потому смиренного со своими и чужими недостатками. Вечно возбужденный, спешащий, заторможенный непомерной нагрузкой, он говорит быстро, может показаться, — агрессивно. Глаза, обведенные черными тенями, смотрят настороженно. Он все время на чеку. Как футболист на поле, готов со всех сторон отражать неожиданные удары...

За окнами небо, деревья, весна, лето, осень — красота, но для такого Петра Ивановича давно ничего этого не существует. По какой-то нелепой, раз навсегда заведенной инерции, он суетится в плену повседневности, в паутине неразрешимых, подчас им самим придуманных обстоятельств. Надо сделать усилие, чтобы разорвать привычную цепь. А он не может. Уже не может — перестал понимать, в чем его естественное, человеческое, а в чем ложь и плен его жизни. Только однажды, когда будет уходить в клинику известного профессора молодой, способный коллега, он коротко скажет: «жаль». Улыбнется и помолчит. Улыбка заменит пронзительный монолог. В ней будет многое — и свои несбывшиеся мечты о науке, и сознание бессилия изменить что-либо в своей жизни и, кажется, вина. Перед коллегами, перед собой ли?

Актер высокой и разнообразной техники, он отлично владеет и интонацией, и жестом. Трудно сказать — чем лучше. Как опытный пианист-виртуоз, то чуть заметно педалируя, то прибегая к туше, он внезапно сменяет нежнейшее пиано на мощное фортиссимо, ведет свою

партию, в совершенстве расцвечивая образ множеством маленьких, но бесценных находок, подавая его в сложных взаимосвязях с окружающей действительностью. Независимо от жанра — и тогда, когда максимально подробно и объективно исследует характер, и тогда, когда открыто подчеркивает его неприятие. С высоким артистизмом и, кажется, с удивительной импровизационной легкостью играет Басилашвили роль князя Серпуховского в спектакле «История лошади», где этот оборотливо-элегантный и весьма ироничный образ хозяина Холстомера, который «был красив и умен, и никого не любил — зато его любили все», предстает набросанный отдельными, но удивительно яркими штрихами в воспоминаниях старого мерина. И вроде бы так же легко «купается» актер в роли директора НИИ Шатунова в спектакле «Выпьем за Колумба», где этот искренний демагог и по-своему талантливый мистификатор от науки энергично поется только о своем личном престиже. Сродни ему и внешне более мягкий, деликатный Самохвалов из фильма «Служебный роман», почти с застенчивой улыбкой шагающий по головам своих коллег. Сыгран он актером удивительно естественно и просто.

Однако в каждый из этих образов вложен огромный труд, напряженные поиски средств актерской выразительности и глубокие размышления о жизни.

АКТЕРЫ, много лет проработавшие в БДТ, как правило, не просто «хорошие» актеры, а прежде всего актеры личности. Они не просто создают на сцене характер, а привносят в роль свое восприятие мира, свои мысли и чувства, свои представления о сложных взаимосвязях человека и общества. Многолетняя работа под руководством такого мастера, как Г. Товстоногов, выработала у Басилашвили уверенный профессионализм, огромную работоспособность, глубоко аналитический подход к творчеству.

Внутренний мир героев Басилашвили все время находится в движении, и никогда невозможно сразу сделать окончательный вывод о том или ином человеке, трудно даже предугадать, как он поступит в следующий момент. Басилашвили никогда не играет просто результат, не выносит только приговор своему герою. Он ведет исследование характера человека, прослеживает в его судьбе некую закономерность. И этот характер неоднозначен.

В его персонажах мы всегда ощущаем противоречие между тем, что дано человеку от природы, и тем, что реализуется им. В этом видит актер истинную причину их драм.

В математике есть такое понятие «доказательство от противного», когда рассматривается и отвергается невозможное. Рассматривая процесс человеческого опустошения, народный артист РСФСР Олег Валерьянович Басилашвили с гражданской страстностью выступает против всего того, что калечит судьбу. Делает это он во имя утверждения человеческого в человеке.

К. КЛЮЕВСКАЯ